

ВОЙНА У КАЖДОГО СВОЯ

Как это было? Идут годы, вырастают новые поколения, а нас по-прежнему мучает вопрос: как смогли вынести то, что человек вынести не в состоянии? Как смогли выстоять тогда, когда, казалось бы, выстоять просто не в силах человеческих? Выстоять и победить.

У каждого человека по сути была своя война. И у солдата на фронте, и у деревенской женщины, принявшей на свои плечи все тяготы колхозной жизни тех военных лет, и у четырнадцатилетнего паренька, которому под ноги подставляли ящик, чтобы он мог дотянуться до станка и делать детали для танков, и у хирурга в госпитале, и у молодой санитарки, выносящей с поля боя раненых. У каждого своя судьба, своя биография, своя война...

В этой женщине, как и в судьбах многих других солдатских матерей, отразилась судьба народная, тесно сплелись трагическое и героическое начала.

Пять сыновей Тагуи и Степана Гюлумянов из шести, ушедших на фронт, отдали жизнь за свободу и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны.

Как и в других советских семьях, дети Гюлумянов росли не для войны. Но ушли они с оружием в руках защищать Родину и отдали на войне самое дорогое — жизнь. И ушли в бессмертие.

Тагуи Гюлумян не стало в марте 1956 года. Мать солдатскую похоронили в селе Гетик (Нор-Башкенд) Красносельского района, там, где стоит памятник с высеченными именами ее сыновей.

...Заповедь, по которой жила их семья, стара, как сам мир: «Трудись, ибо вся наша жизнь познается в труде». Нет, никаких назидательных бесед отец с матерью не проводили, время было не такое, просто все, что бы они ни говорили или делали, заключало в себе понятие труда. «Честный трудяга», — говорил отец, если надо было дать кому-то емкую, но лаконичную характеристику. «Добросовестный человек», — говорила мать, и вопросы счита-

лись излишними. Такими же работающими росли и дети. Старшие трудились в колхозе, младшие учились в школе. Уроки на зрелость пошли впрок. В 1933 году сын Петрос стал бригадиром — одним из двух в колхозе, а уже через год его избрали председателем правления колхоза.

Взрослели, становились на ноги дети. Незаметно подошло время провожать их в Красную Армию. Мать напутствовала на священную службу Отчизне Ишхана, Ивана...

Когда началась война, они служили в Литве и были среди тех, кто одним из первых принял удар врага. После первого боевого крещения сержант Ишхан Гюлумян писал домой: «Вчера, 12 июля, вступили в бой. Бьемся на передовой. Каково мое впечатление от боя? Кругом визжат пули, рвутся снаряды, грохочут автоматы. Кажется, что все пули летят прямо в тебя. Но самое страшное — это мины. Они ложатся почти рядом. Но и мы не даем опомниться фашистам. Бьем их, гадов, так, чтобы знали: советские солдаты драться умеют».

Это письмо было первой и последней весточкой от Ишхана. Летом же 41-го погиб и рядовой Иван Гюлумян.

Петрос и Аршак ушли на фронт добровольцами на второй день войны. И долго от них не было никаких вестей.

Как ни тяжелы были утраты, не могла мать и помыслить, что другие ее дети останутся в стороне от борьбы с врагом. Провожая на фронт Гургена, благословила и его на ратный подвиг.

Беннамин был кадровым офицером, еще до войны закончил пехотное училище. Служил недалеко от г. Шепетовки на Украине. В первый же день войны молодой

лейтенант отправился на фронт.

Декабрь 1941 года. Во время одного из боев Беннамин первым заметил четыре танка, приближавшиеся к нашим позициям. Выждав удобный момент, он точным огнем вывел из строя одну вражескую машину, а три другие вынудил отступить. Гитлеровцы, усилив автоматный огонь, устремились в атаку. Лейтенант мгновенно оценил обстановку. Тут же им было принято решение вместе с двадцатью автоматчиками занять наиболее удобные огневые позиции. Вражеская атака была остановлена. Фашисты попытались обойти позиции, которые заняли Гюлумян и его товарищи. Однако и на этот раз врагу не удалось спастись от пуль наших автоматчиков. Только Беннамин уничтожил до тридцати фашистов. Но гитлеровцы продолжали натиск. Бойцы Гюлумяна держались до последнего. Командир же пал смертью храбрых в неравном бою.

...Долгие месяцы войны: каждый день выходила матушка Тагуи за околицу, с затаенной тревогой поджидая почтальона. Радовалась, встречая его. Ободряли письма сынсвей. По нескольку раз в сутки перечитывала фронтовые весточки.

Но вот однажды, вернувшись домой, застала мужа Степана с конвертом в руках. Это письмо прислал батальонный комиссар Изотов — однополчанин Беннамина.

Крепилась мать. Надежды не покидали ее. Но письма приходили все реже и реже. А летом 42-го получила известие о том, что под Моздоком в танковом бою отдал жизнь за Родину младший лейтенант Петрос Гюлумян.

Не было вестей от Аршака. И лишь Гурген радовал мать письмами. Он воевал на Украине, в Крыму. Но

вот в тяжелых боях на Северном Кавказе его часть попала в окружение. Гурген с уцелевшими товарищами выбрались из него, но оказались в тылу врага. Здесь они попали в партизанский отряд и продолжали бить фашистов. В январе 45-го отряд соединился с регулярными войсками. Младший лейтенант Гурген Гюлумян участвовал в освобождении Болгарии, Венгрии. В марте он прислал письмо домой: «Дорогая мамочка! Сегодня я чувствую в душе какой-то праздник. Хочется об этом громко говорить, кричать, радоваться. Голубое небо, яркое солнце — весна! Мы теперь близки к победе, как никогда раньше».

Но ему не пришлось увидеть дня Великой Победы. В бою под Будапештом Гурген был тяжело ранен. И 28 апреля 1945 года умер в полевом госпитале от ран.

Мать дождалась с войны только одного сына — Аршака. Он в составе 89-й Таманской дивизии дошел до Берлина. За мужество и героизм, проявленные в боях, Аршак Гюлумян был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», удостоен восьми благодарностей Верховного Главнокомандующего.

...Мы помним. Память наша вобрала в себя взорванную тишину июньского рассвета, имена тех, кто пролил кровь, защищая каждую пядь Отчизны, скорбные глаза матерей, застывших над похоронками. Будем помнить мы и их подвиг, подвиг их ожидания, который сродни подвигу солдата.

Г. МАТЕВОСЯН,
наш спец. корр.
Красносельский район.